

МУТАНТЫ

Лукавая сказка для взрослых
Литературный сценарий художественного фильма

ПРОЛОГ

Средневековая Русь... Жаркий полдень... Крестьяне с детьми серпами жнут рожь, вяжут в снопы, ставят в скирды. А над ними высоко в небе, груженный домашним скарбом, плывет «косяк» людей. Впереди, попыхивая дымком из кальяна и подрыгивая ногами в валенках — иссохший древний старичок. За ним — женщина с детской коляской. За ней — молодая восточная девушка, за девушкой — еле видимый прозрачный детина, за ним — еще один, такой же громадный и безобразный...

— Тять, а тять! — кричит крестьянский мальчонка и показывает на небо, — Это что, гуси летят?

— Какие летом гуси? — отрываясь от работы, говорит отец и смотрит вверх... Вслед за ним все крестьяне разинув рты смотрят на летящих, крестятся...

А косяк людей в полной тишине на фоне голубого неба и белых облаков медленно удаляется и постепенно растворяется в июльском воздушном мареве...

КОНЕЦ ПРОЛОГА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛЕСОПАРК У РЕСТОРАНА

Луна освещает горлышко разбитой бутылки и ногу в дорогом итальянском ботинке сорок второго размера. Рядом сидит пес и, подняв кверху лохматую морду, воет. С ним перекликается голос женщины.

— Жорик!.. Жо-о-рик! — в отчаянии взывает она, — на кого ты там лаешь, поганец ты эдакий?!

Наконец появляется и сама женщина-старушка «божий одуванчик».

— Ты почему не идешь к своей мамочке, поганец, когда мамочка тебя зовет? Или ты хочешь, чтобы я тебя... — тут старушка запнулась, произнесла «Господи!» и трижды перекрестилась...

Фары «Скорой помощи» осветили фигуру лежащего лицом вниз человека. «Опер» дал знак никому не подходить, и только он и врач приблизились к лежащему.

Врач взял руку, прощупал пульс.

— Готов, — сделал он медзаключение, — уже холодный.

Подошел судмедэксперт, стал фотографировать лежащего. «Опер» осмотрел кусты, затем проверил карманы у покойника и сделал свое заключение.

— Грабанули.

А тут все время кого-то грабят, — подтвердила старушка. — В прошлом месяце девушку нашли, говорят, путана. Это что значит?..

Путана — это хорошая, общительная девушка, — пояснил врач, ощупывая голову трупа. — Так и есть, — черепно-мозговая травма. Крови почти нет... Две вмятины...

Господь всегда забирает к себе лучших, — вздохнула старушка и снова перекрестилась.

— Ну что? — засветился подошедший судебный следователь.

— Бытовуха, — укладывая в пакет бутылочные осколки, заметил судмедэксперт.

— Куда его? В Центральную?

— Без документов?

— Тогда в морг. Как безымянного.

— Хорошо, — согласился следователь, — грузите, а я загляну в ресторан, поспрашаю...

В МОРГЕ

В длинном полуосвещенном коридоре на спецкаталках вдоль стены покоилось несколько обнаженных трупов.

Через открытую в «приемник» дверь было видно, как небольшого роста шустрый санитар Костя Могилев раздевает вновь прибывшего, одновременно пыхтя сигаретой и мурлыча себе под нос мотивчик песенки, доносящейся из приемника. Рядом сидит дежурная-фельдшер, оформляет документы на неопознанного.

— Сегодня у вас урожай, — говорит она между делом.

— По выходным всегда урожай. Это что, вот на праздники, помню, штук двадцать насобирали, — отвечает ей Костя.

— Гробов на них не напасешься.

— А сколько мест на кладбище?..

Фельдшер закончила оформлять документы, протянула ручку Косте, — распишитесь...

Тот поставил свою подпись, и фельдшер удалилась. Вскоре послышалось урчание мотора «Скорой», и в наступившей тишине вновь зазвучала веселенькая мелодия. Костя взял снятый

с покойника пиджак, брюки, бросил в ящик к другим вещам. Хотел бросить туда же и ботинки, но передумал. Они были почти новые. Критически осмотрев их, приставил один к своему изношенному, затем сел на стул, снял свой и обул итальянский. Ботинок оказался впору. Обул второй, а свои бросил в ящик к остальным вещам убитого. Встал, с удовольствием прошелся в поскрипывающих ботинках по кафельному полу. Остановился. Что-то жало в левом ботинке. Снова сел, снял ботинок, осмотрел внутри. Там, на месте пятки, сквозь стельку выступал бугорок. Он попытался его вдавить. Не получилось. Тогда Костя оторвал стельку и увидел в полости каблука нечто запыленное и поблескивающее. Он перевернул ботинок и постучал им по столу. С малиновым звоном на стол покатались сверкающие камушки. Костя взял один из них, внимательно осмотрел, затем провел им по стеклу стола. На стекле обозначилась белая царапина.

— Алмаз!

Он обулся, а кучку алмазов завернул в носовой платок и спрятал в карман...

Пение возобновилось. Теперь оно было намного оптимистичнее, а лицо приобрело выражение вдохновенное и праздничное. Внезапно он стащил второй ботинок, стал и его изучать. Но внутри было все ровно. Тем не менее, он оторвал стельку и под ней в пустой полости каблука увидел маленький бумажный сверток. Аккуратно развернув его, обнаружил там несколько самородков золота. Хотел присовокупить их к алмазам, но тут обратил внимание на бумагу, в которую были завернуты самородки. Это был клочок школьной географической карты. Ни параллелей, ни меридиан, только по самому краю вилась голубая ленточка и рядом нарисованный карандашом кружочек с крестиком посередине.

Посидев некоторое время над клочком карты и самородками, он завернул все это в носовой платок, счастливый и радостный подошел к покойнику и, почти касаясь его лба, послал ему поцелуй.

— Если бы ты еще сказал, где находятся эти алмазы и золото, цены бы тебе не было!.. А?.. Молчишь? Ну, ладно, сами как-нибудь...

КВАРТИРА МОГИЛЕВА

Костя вернулся домой в прекрасном настроении. Снял в прихожей куртку, прошел на кухню.

Стоя у плиты, его пышная, симпатичная жена Дуся готовила завтрак. Подойдя сзади, Костя приобнял ее за крутые бедра.

— Ты чего? — радостно удивилась жена.

— А ничего! — ответил Костя. — Жрать хочется!

— Потерпи пять минут, — не поворачиваясь, произнесла жена.

— Дусь, глянь...

Дуся глянула. Костя прошелся перед ней в итальянских ботинках.

— Ты чё, с утра пораньше? — нахмурилась Дуся, и снова повернулась к плите.

— Доча встала?

— Дрыхнет. Ты спроси, когда она заявила?

— Да? Дело молодое, — весело произнес Костя и направился в комнату дочери.

Разметав по подушке длинные волосы, доча Татьяна спала. Одежда разбросана, а в ногах, свернувшись клубком, спал кот Васька. Выключив ночник, Костя громко произнес:

— Васька! Чё это твоя хозяйка разоспалась? Петушок пропел давно, а она спит, а? Это не дело... — и пощекотал ее за ухом.

— Ну, Па-ап... — сонно произнесла Татьяна и повернулась к стенке.

— Ку-ка-ре-ку-у!.. — наклонившись к её уху, прокукарекал Костя.

— Отстань! — уже капризно произнесла она, — от тебя несет моргом!

— Да? — удивился он, — А я и не чувствую. — Он отошел от койки. — Доча, глянь!

Татьяна нехотя повернулась.

Подражая манекенщикам, Костя прошелся перед ней.

Она недовольно смотрела на него, потом заметила новые ботинки.

— В них ты выше. Сколько отдал?

— Сколько?.. — некоторое время Костя загадочно смотрел на Татьяну, затем подсел к ней на край дивана, вынул из кармана клочок карты, развернул его.

— Тат, как ты думаешь, что это такое?

— Ну, бумажка.

— Ясно, бумажка, но какая?

Татьяна взяла клочок, повертела в руках.

В МУЗЕЕ

В Музее геологии и археологии была экскурсия старших классов средней школы. Вел экскурсию Александр Андреевич, молодой человек лет под тридцать. Группа стояла перед стендом, на котором в ряд были нарисованы фигуры — от обезьяны до человека.

— А правда, — задает вопрос один из экскурсантов, — что в Южной Америке найден череп, по которому определили, что он является недостающим звеном между человеком и обезьяной?

— Я знаю, но пока официальных сведений на этот счет нет. Есть другая теория, исходя из которой человечество движется в обратном направлении, к обезьяне. А теперь пройдемте к этому стенду.

Пока группа школьников перемещалась, к ним присоединились Костя и Татьяна.

— Это — район Центральной Африки, геологический разлом северо-восточнее озера Виктория, — продолжал Александр Андреевич, — здесь найдено самое древнее захоронение наших далеких предков. Вот здесь, — Александр Андреевич ткнул в верхний участок рисунка, — до сих пор наблюдается вялотекущая атомная реакция. По одной из гипотез на заре развития всего живого эта реакция была более интенсивной и, благодаря этому, с нашими далекими предками произошла мутация, — то есть, с течением времени они лишились не только своего шерстяного покрова, но и изменили цвет кожи...

Тут он заметил среди экскурсантов Татьяну с отцом и смолк.

...Они сидели за огромным круглым столом в зале с экспонатами.

— Саша, это мой папаня, помнишь?

— Конечно, — смущенно произнес Александр Андреевич. Вообще, я на тебя обижена. Не звонишь, не заходишь...

Неужели обижена? — усмехнулся он, в свою очередь рассматривая Татьяну.

А ты почти не изменился. Немного похудел, — не отрывая от него взгляда, произнесла Татьяна, — Как живешь?

— Живу, — ответил Саша, — но, я думаю, вы здесь не за тем, чтобы интересоваться моей жизнью?

— Злюка! — произнесла Татьяна и повернулась к отцу. Костя вынул бумажник, извлек знакомый клочок карты и протянул Саше. Тот взял его, стал рассматривать.

— Что это такое? — спросил Костя.

— Карта... Школьная географическая карта, какие выпускал наш Госиздат, когда я учился в школе.

— А что на ней изображено? — спросила Татьяна.

— Ландшафт. Холмистая местность, река... Вероятно, местность лесистая.

— А где это находится? — спросил Костя.

— Да где угодно. В мире множество таких мест: Канада, Западная Европа, Сибирь, Дальний Восток.

— А точнее?

— Точнее?.. — Саша более внимательно рассмотрел клочок карты, спросил, — а вы сами как считаете?

— Мы считаем, что это — карта России, — сказала Татьяна, — больше мы пока ничего сказать не можем.

— Понятно, — Саша поднялся, — попытаемся определить точнее. Идемте со мной.

Они стояли возле огромных размеров географической карты, на которой были нанесены все полезные ископаемые в виде квадратиков, кружочков и других знаков.

Пока Саша бродил вдоль карты, Костя с любопытством разглядывал её.

— А это что, города? — тихо спросил Костя у дочери.

— Это полезные ископаемые, — пояснила Татьяна.

— Ни фиги себе! — изумился Костя, — столько ископаемых, а мы так хреново живем.

— Их еще надо добыть, — сказал Саша, продолжая сверять обрывок с картой, — а это гораздо сложнее, чем их открыть.

Он медленно двигался вдоль карты с запада на восток. Вместе с ним двигались Костя с Татьяной. Они приблизились к Байкалу, и тут Саша остановился и спросил, показывая клочок карты.

— А что за кружочек вот здесь?.. — Он смотрел то на Костю, то на Татьяну.

— Вот это мы и пытаемся выяснить, — сказала Татьяна.

— Если это полезные ископаемые, вы мне облегчите задачу, — подсказал Саша.

— Допустим, — угрюмо произнес Костя.

— Какие именно?

В ответ — молчание.

— Понятно! — весело произнес Саша, что-то в этом роде я читал у Эдгара По, — и снова повернулся к карте. Через некоторое время проговорил:

— Ну вот, это то место, что обозначено на вашем клочке, — он ткнул в карту пальцем, — ваше Эльдорадо вот здесь.

Какое Эльдорадо? — не понял Костя.

АВТОСТОЯНКА

Обнесенная высоким забором стоянка нерастаможенных иномарок занимала огромную площадь. Возле некоторых стояли то ли владельцы, то ли потенциальные покупатели, вели тайные переговоры.

Дядю Мишу Костя Могилев нашел в дежурной будке, возвышающейся над этим морем иностранного добра.

В той же позе на Формозе, — приветствовал его Костя, усаживаясь напротив. — Привет, дядя Миша. Все дежуришь?

Ну... Каким ветром? Никак на иномарку накопил?

Может, накопил, а, может, и нет. А что, продаются? — Костя кивнул в окошко.

Продаются, да не всем. Реквизированные, сам знаешь.

Мог бы, как свояку, по дешевке.

Чином не вышел, а так бы с удовольствием. Все равно гниют. Ладно, с чем пришел? Как дома, на работе? Покойнички не беспокоят?

Не, они у меня смиренные!

Тогда что?

— Просто решил навестить.

— Да? — не поверил Миша, — ну, рассказывай, как там Дуся, Тата?

— Да все в порядке. Дуся по дому, а Тата... Сам знаешь. Вчера встречалась со своим бывшим... — и Костя тяжело вздохнул. — Такого парня бортонула! Дура...

— Еще успеет. Пусть гуляет, пока молодая. Она у тебя что надо!

Оно, конечно, я и не тревожусь, голова есть.

Да не только голова, у нее все на месте. Ладно, не тяни. С чем пришел? Если денег просить, — не дам.

Нужны мне твои бабки... — Костя помолчал, хитро поглядывая на дядю Мишу. — Понимаешь, видел я тут на днях сон, и такой ясный, как будто в жизни.

— Бывает. И что же тебе приснилось?

— Представь: лес, тайга, речка. Плыву я по ней и вижу, что на дне что-то сверкает. Смотрю, а там — золотые самородки, представляешь?

— Представляю. Но к чему это — пока не знаю.

— Собрал я золотишко, а потом будто иду по горам, а оттуда алмазы сверкают.

— Да ну?

— Я и их собрал.

— Вот это напрасно! Это к слезам, точно!

— Моя Дуся тоже так сказала. Говорит, посоветуйся с Мишей.

— Да, это к слезам, — повторил Миша.

— Скажи, а вот если бы на самом деле, что бы ты стал делать, а?

— Сдал бы государству. Двадцать пять процентов твои.

— А если спросят откуда?

— Скажешь — приснились.

— Приснились?.. — Костя огляделся, вынул из кармана платок, развернул его. — Что теперь скажешь?

— Да-а, сон в руку, — после паузы произнес Миша. — Откуда?

— А вот откуда! — и хлопнул по своим ботинкам. — Но я знаю место, где они лежат. Только вот добраться до них, — нужны мани и немалые.

У меня таких нет.

Да знаю. Но у тебя такое место, такие знакомые... Помогите...

Знакомые есть, но не у всех такие бабки водятся. Ладно, есть у меня один. У него есть точно! Но с ним надо держать ухо востро.

Об чем разговор!.. Не маленькие.

УЧРЕЖДЕНИЕ «УБЭП»

В сопровождении дежурного Костя шел по длинному коридору. «УБЭП» — табличка на двери, возле которой они остановились. Дежурный «передал» Костю секретарше, протянул ей пропуск. Она нажала клавишу селектора.

— Пал Степаныч, к вам Могилев...

— Пусть войдет, — послышалось в ответ.

— Проходите, — сказала секретарша.

Костя вошел.

Подполковник Павел Степанович сидел за широким столом и пронизательным взглядом строго смотрел на вошедшего. Был он крупен и основателен.

После некоторой паузы Костя заговорил.

— Товарищ подполковник, Михаил Семенович посоветовал обратиться к вам...

— Кто такой Михаил Семенович? — спросил подполковник.

— Напомните...

— Это мой дядя. Он на стоянке иномарок...

— А-а, да, мне звонили... Так что у вас?

— Да вот... Нашел в каблуке... — и Костя положил перед подполковником небольшой сверток.

Тот развернул его, брови его слегка приподнялись. Некоторое время он рассматривал содержимое свертка, затем поднял строгие глаза на Костю.

— В каком каблуке?

— Честное слово, в каблуке покойного! — повторил Костя. Хотел показать на свои ботинки, но передумал.

Допустим. И что?..

А вот это место, где все это находится, — и Костя положил перед начальником клочок карты. — Все выяснил. Надо бы съездить, проверить.

Ну, съездите, проверьте. Я — то тут при чем?

Нужны деньги... Без них туда не доберешься...

— И вы предлагаете мне, должностному лицу?.. — В голосе подполковника послышалась угроза.

— Поэтому к вам и обращаюсь. Если что найдем, это же польза и государству и всем...

Подполковник встал, молча прошелся по кабинету.

— К спонсорам, еще к кому-нибудь обращались? — наконец спросил Павел Степанович.

— Ни к кому! — заверил Костя, — к вам — первому.

Подполковник снова сел, более тщательно стал рассматривать алмазы и золото.

— Место известно?

— Да. Забайкалье. Север Забайкалья.

— Хорошо, — наконец произнес подполковник, — постараюсь помочь. Но с условием, что все будет под моим контролем...

В КАФЕ

Был вечер. Тихо играла музыка. Они сидели в маленьком уютном кафе. Саша смотрел на Татьяну угрюмо, почти враждебно. Татьяна улыбалась.

Саш, ну не сердись, — вкрадчиво говорила она. — Да, мы вот такие легкомысленные. Что нас за это?.. Ели бы не я, ты бы сам меня бросил. Что, не правда?

Не правда, — ответил он.

Ой, все мы одинаковые. Ну, представь, ты бросаешь свою, я ухожу из дома... И что? Где нам жить? На что? У меня ни профессии, ничего, а у тебя...

— Ты, наверное, забыла, что я свою бросил.

— Тут я виновата, каюсь, а все остальное? Ты — умный, я — дура. Ты...

— Ты не дура, — перебил её Саша.

— Ну, не совсем дура, но не ученая, как ты, даже без высшего образования.

— Разве это имеет значение?

— Имеет. Представь: ну, любовь, постель, а дальше?.. Или нарожать детей и возиться с ними?

— Почему бы и нет? В этом призвание женщины.

— Да не хочу я такого призвания! Я хочу жить, веселиться, а дети... Разве что потом.

— Хорошо, живи, веселись.

— Я это и делаю.

— Вот и прекрасно!

Помолчали.

— Саша, скажи, как ты ко мне относишься?

— Ты знаешь.

— Нет, ты скажи!

— Хорошо. Я отношусь к тебе так же, как и раньше.

— Несмотря ни на что?

— Несмотря ни на что.

— И я к тебе тоже.

— Неужели? Позволь тебе не поверить.

Снова замолчали.

— Саш...

— Да?

— Помоги нам организовать экспедицию.

— Я же сказал — нет.

— Ты хочешь, чтобы я вернулась к тебе?

— Это что, сделка?

Саш, ты — как ребенок! Всё гораздо проще, чем ты себе придумал. Женщина любит мужчину не за красивые глаза. Да-да... Ей хочется надежности, крыши над головой. А любовь? Это иллюзия. Ты же сам говорил...

Теперь я другого мнения.

— Тем более! И ты мне не чужой, ты это знаешь.

— Допустим.

— А теперь представь: мы едем туда, находим это золото, алмазы и возвращаемся богатыми. Ты, как геолог, находишь новое месторождение. И я с тобой! Я всегда буду с тобой. Обещаю! Тебе этого мало?

Саша молчал.

— Я уверена — всё образуется.

А если мы там ничего не найдем? Что тогда?

Я уверена, я предчувствую, честное слово! Ну, миленький, соглашайся...

ДОРОГА В «ЭЛЬДОРАДО»

И вот самолет отрывается от земли и, развернувшись, берет курс в «страну Эльдорадо».

Затем электровоз тянет состав вдоль священного озера, петляя и скрываясь за высокими сопками.

Затем старенькая моторка, ведомая местным аборигеном Егоркой, пересекает тихую гладь реки, зажатой высокими скалистыми берегами.

Костя и Саша дремлют на палаточном брезенте, а Татьяна, пригостившись рядом с Егоркой, — невзрачным мужичонкой неопределенного возраста, — смотрит вперед на несущуюся им навстречу реку, на медленно распаивающиеся полы высоких берегов...

— Егор, а почему тут никто не живет? Сколько едем, и ни одного жилища. Тут так красиво!..

— Когда-то и тут жили, охотились, рыбачили, но это до того.

— А что же сейчас?

— Известно что. Один наш леспромхоз на сотни верст, да и тот еле дышит. Вот, лодка да рыба только и кормит... А тут лесник Михей когда-то жил, — Егорка указал на стоящую на берегу покосившуюся одинокую избушку, — говорят, родственник какой-то тут шастал, вот и всё население.

Рассекая опрокинутое в воде небо, лодка шла вперед.

— Саш, а Саш!.. — оглядывая берег, позвал Егорка, — вроде прибываем.

Саша открыл глаза, вынул небольшую карту, стал сверять её с местностью.

— Причаливаем!

Мотор сбавил обороты, лодка пошла тише. По левому берегу открылся живописный уголок с лужайкой на берегу. Лодка повернула к берегу, мотор заглох. В наступившей тишине было слышно только журчание воды под днищем, затем хруст прибрежного песка.

Экспедиция прибыла к месту своего назначения...

СТОЯНКА ЗОЛОТОИСКАТЕЛЕЙ

На следующее утро на поляне стояли две разноцветные палатки. Между деревьями висела капроновая сеть, в центре поляны горел костер, возле костра кашеварила Татьяна.

В стороне от поляны, стоя по колено в воде, Костя и Егорка промывали в лотке речной песок. Егорка лопатой брал грунт со дна реки, клал в лоток. Костя опускал его в воду, тряс, смотрел, что оставалось в лотке. Пока там оставались камушки да ракушки.

Саша, вооружившись геологическим молотком и сумкой, карабкался по склону речки, то там, то тут отковыривал куски породы. Оглядев, отбрасывал и карабкался дальше в разлом. Издали слышался звон кастрюли. Татьяна собирала всех на обед.

Ели с аппетитом.

— Кварц тут есть. А где кварц там может быть и золото, — говорил Саша. — Главное — найти жилу. Надо ухватить за нее и идти по ней... Как нить Ариадны. Но не думайте, что это так быстро. Люди тратят на это месяцы, даже годы.

— А чего нам думать? — весело сказал Костя, — Ты у нас голова. Давай-ка... А то продрог, — Костя налил по рюмке, — за удачу!..

Уже третий раз солнце садилось за лес на другом берегу реки, а наши золотоискатели продолжали свой пока бесплодный труд.

— Так этот Михеев родственничек, — рассказывал Егорка, стоя в воде и дедовским способом промывая песок, — поговаривали, отсюда никогда пустым не уходил. Откуда он брал золо-

тишко, никто не знает. Наши лесхозовские сколько раз грабили его, хотели пришить, не получилось, больно здоров был. Где он теперь, одному богу известно.

В могиле, где же еще? — сказал Костя.

Ты-то откуда знаешь?

Если бы не он, были бы мы здесь...

То-то давно не появлялся...

«По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах, бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах...» — несло над почерневшей гладью реки.

Светила луна, горел костер. Вокруг костра сидели золотоискатели.

Пели, смотрели на огонь. Саша, держа в руке большую лупу, показывал Татьяне кусок породы.

— Почему начали с реки? — говорил он, — Порода крошится, её выносит потоком и вымывает...

— А алмазы?

— Алмазы... Тут вообще все странно. Я ведь бывал во многих экспедициях — и в Якутии, и на Южном Урале. В россыпях там иногда попадались, а тут нет даже признака.

Тем временем мужчины прервали песню. Стало тихо.

— Вот и мы, как тот бродяга, — клюя носом, произнес Егорка.

— Ага, только на самолете да на моторке. Давай, по последней, — и Костя стал разливать. — Эй, Сусанин, не спи!

— Не, хватит, — сказал Егорка и поднялся. — Я спать. Утром рыбки надо на уху, пока спите, — и поплелся к берегу, где чернела его моторка.

— Шел бы в палатку, замерзнешь! — крикнул вдогонку Костя.

— Не, я привычный, и лодку не уведут.

— Кому её тут уводить? За сто верст ни души...

Чуть в стороне и от костра и от Егоркиной лодки сидели Татьяна и Саша.

— Посмотри, эти облака и луна... Они ничего тебе не напоминают? — спросил Саша.

— Напоминают.

— Что?

— Облака и луну.

Саша усмехнулся, потом начал:

— «...Лунная дорога легла прямо у их ног, другим концом упираясь в прекрасный, необъятный город...»

— Не вижу никакого города, — заметила Татьяна.

— «И первым по этой лунной дороге бросился верный пес прокуратора».

— Это откуда? А, Саш?

— «А потом они шли и слушали безмолвие и наслаждались тем, чего не дано было им в жизни».

— Нет, Саша, ты все-таки чокнутый, — наконец произнесла Татьяна. — Ну, чего ты хандришь? Чего тебе еще надо? Рядом сидит молодая, симпатичная девушка, ждет, когда ты ее обнимешь, а он: «чего не дано было им в жизни»... Кто тебе должен давать? Кто?.. Надо жить и брать от жизни все, все — понимаешь? А не ныть! Или ты хочешь, что бы я... — и Татьяна замолчала.

Молчал и Саша.

то время, пока шел этот разговор, конец лодки под тяжестью хозяина приподнялся, бечева, соединявшая ее с прибрежным кустиком, натянулась, соскользнула с него и, будто змейка, бесшумно уползла в воду. Влекомая течением, лодка отчалила от берега и, набирая скорость, стала медленно удаляться.

А над скалистыми берегами ярко светила луна, и под её зыбким светом и речка, и прибрежные скалы, и маленькое пятнышко лодки казались нереальными, будто из черно-белых снов; и все это дремало, плыло неизвестно куда во времени и пространстве...

НЕХОРОШИЕ МЕСТА

Егорка проснулся от странного гула и еще чего-то неприятного.

— Ё -моё! — произнес он и огляделся.

Было раннее утро. Лодку прибило к поваленному стволу дерева, — это бобры устроили плотину, и вода, наткнувшись на преграду, устремилась под бревно и с шумом уходила в чащу

кустарника. На дне лодки была вода, — из днища торчал острый сук. Наполовину мокрый, Егорка перебрался из лодки на бревно и, идя по нему, причалил лодку к берегу.

И тут услышал тихий свист. Это был даже не свист, а какой-то неуловимый шум, от которого Егоркино дурное настроение мгновенно исчезло. Его потянуло на этот звук...

Пройдя метров двадцать, он увидел молодого симпатичного парня со светлыми, почти белыми волосами, босиком и без рубашки. Он сидел на прибрежном валуне и держал в руках раскрытую рогожку. А поблизости в радиусе десяти метров вода бурлила, на поверхности появлялись рыбы головы. Столько рыбы одновременно Егорка еще никогда не видел! Разве что в кино, когда сейнер поднимал на палубу очередной улов. Но тут ни сети, ни невода не было.

Парень посвистывал, и из воды периодически выскакивала рыба и ныряла в раскрытую рогожку.

Не веря своим глазам, Егорка смотрел на это диковинное зрелище.

Но тут парень перестал свистеть, и поверхность воды тут же успокоилась. Он поднялся и, подхватив рогожку с рыбой, легким шагом направился вверх по еле заметной тропинке. Егорка устремился за парнем. Взобрался на пригорок. Парня нигде не было. Скалистый берег постепенно перешел в заросший папоротником пригорок. Стараясь не сойти с еле заметной тропинки, Егорка продвигался вперед...

На небольшой поляне, на которую он, наконец, вышел, горел костер. Поляна упиралась в почти отвесную скальную породу. В скале была видна щель. Она была занавешена большой медвежьей шкурой. Возле костра сидела женщина, чистила рыбу и бросала ее в котел. Рядом с ней стоял уже знакомый Егорке светловолосый парень и торопливо что-то говорил. Увидев Егорку, он замолчал, рассматривая гостя.

— Драсьте... — произнес Егорка, подойдя ближе.

Женщина уставилась на пришельца, а парень недружелюбно спросил:

— Чего надо?

— Да вот, понимаешь, тут такое дело, — начал Егорка и снова оглянулся.

Чуть в стороне он заметил сибирский амбар: на трех соснах на высоте четырех метров от земли был сооружен сруб с травяной крышей. К нему вела лестница.

— Что глазеешь? — снова спросил парень, — Чего надо, спрашиваю?

— А-а? Да вот, лодка моя... Там дыра, может, чем её... — и замолчал.

— А зачем плыл сюда? Тебя звали?

— Да вот, соснул, она, наверное, и отвязалась.

— Пить меньше надо! — строго проговорил парень и тут же получил от женщины затрещину.

— Чего грубишь? Забыл, как гостей встречают? У человека неприятности, а ты?.. Надо помочь.

— Дел других нет, как помогать всяким, — проворчал парень, опасаясь очередного подзатыльника.

— Ты прости его, — обратилась она к Егорке, — что с него взять, мал еще, невоспитан. Сам-то откуда?

— А-а?.. Да здешний я... С леспромхоза. Выселки, слышали?

— Это что, где всякие воры да разбойники работали?

Когда это было?.. Теперь там их внуки да правнуки...

Какая разница. Одно племя. И что — оттуда и приплыл?

— Ну, — не моргнув глазом, соврал Егорка.

— Э-эх, люди — люди, — печально произнесла женщина.

— Ну, не прямо оттуда, — поправился Егорка, — мы тут... я с туристами, там, вверх по течению...

— С туристами, так с туристами, — подвела итог женщина, — сядь, обсушись, а то продрог, небось.

— Да уж, есть маленько. Ночи ведь холодные, — промямлил Егорка, подсаживаясь к костру.

— Опохмелиться ему надо, не видишь? — донесся откуда-то мощный скрежещущий бас.

Егорка вздрогнул, огляделся, но никого не увидел.

— А ты помолчи! — прикрикнула женщина, обернувшись к зимнику, — тебе бы только выпить да опохмелиться.

— А ты у него спроси, — прогромыхало снова.
— Без тебя вижу, — она неприветливо глянула на Егорку.
— Н-не откажусь, — проямлил он, продолжая озираться, — а то со вчерашнего...

— Евсей, принеси, — женщина глянула на парня. Тот поймал ее многозначительный взгляд, молча пошел к пещере.

— И корешков! — уже вдогонку бросила она.

— Сынуля? — заискивающе спросил Егорка.

— Сын, — подтвердила женщина.

— Ловкий парень! Видел, как он рыбу ловит. Фюйть — и все! Как это он, а?

— Всегда так ловили.

Вернулся Евсей, молча передал Егорке большую берестяную кружку и пучок корешков. Кружка была полна золотистой жидкости. Егорка понюхал содержимое, пригубил, и, не отрываясь, осушил до дна.

— У-уф! — восхищенно произнес он. — Огонь и пламень! По всем жилочкам. Что это?

— Это надо спросить вон у него, — она кивнула в сторону зимника, — за сотни лет наупражнялся...

— Секрет, — снова прогромыхало оттуда, — расскажешь, начнут все делать.

Егорка снова забеспокоился, завертел головой.

— Да ты закуси корешком-то. Закуси, а то захмелеешь.

Егорка стал жевать корешок.

— А вы что, живете здесь? — спросил он, — или тоже турики?.. Хотя, непохоже... А эта... Чудно... — Потом глянул на Евсея, — а как это ты рыбку-то, а? Эхолот, что ли? Научи меня, а то мы все тротилом да сетью, — брака много... — Тут он широко зевнул, удивленно осмотрелся и медленно, бочком сполз на траву.

— Что, спать захотел? — участливо спросила женщина, — Ну, поспи, поспи.

И Егорка захрапел.

— Слабак, — снова прогремел бас.

— Вот куда его? — сокрушалась женщина, — привадил к дому, а теперь?